

Предупреждаю об ООС, ножи прилетают случайно.

Клод заболел... Слетел с ног прямо перед выходными.

Полуденный свет, бледный, словно тончайшая вуаль, лежал на усадьбе, и даже ветер не смел шуметь.

Я сжимала в руке маленький матерчатый сверток, стоя у двери комнаты Клода, а кончики пальцев до хруста мяли бумажную обертку мятных конфет.

Ярмарка была условлена заранее, продуманный маршрут всё еще лежал у меня на груди — госпожа Деласоунс лишь вчера приветливо улыбнулась и кивнула.

Из-за двери не доносилось ни шума, ни смеха — лишь размеренное, едва слышное дыхание да редкие, донельзя сдавленные кашлем звуки.

Я приоткрыла дверь, бесшумно, без единого скрипа.

Жозеф сидел на краешке кровати спиной к выходу. Его осанка по-прежнему оставалась прямой, но казалось, будто из юноши вытянули все силы.

Он не оборачивался, а лишь продолжал сжимать руку Клода — исхудавшую до острых углов, холодную, лишенную даже силы ответить на рукопожатие.

Клод не спал. Его полуприкрытые глаза смотрели в пустоту, не цепляясь ни за что.

Лицо казалось почти прозрачным от белизны, на губах не было ни кровинки, и даже на каждый вдох приходилось собирать по крупицам последние силы.

Услышав шорох, он медленно повернул голову. Заметив меня, Клод постарался вымучить крошечную, едва заметную улыбку, такую легкую, что её почти не было видно:

— Юань?..

Я подошла к постели и присела на корточки, не смея приближаться слишком близко, боясь, что дуновение ветра причинит ему боль.

Я положила сверток на прикроватную тумбочку, а мой голос прозвучал хрипло и тихо:

— Конфеты я тебе оставила... Дождемся, пока тебе станет лучше.

Он моргнул, и его длинные ресницы сильно задрожали.

— На ярмарку мы не пойдем, — произнес он. Его тон был до боли в сердце спокойным — ни обиды, ни жалости к себе, лишь абсолютное, полное понимание. — Если я поеду... я стану для вас обузой.

Всего одна фраза, брошенная легко, но придавившая грудь так тяжело, что стало нечем дышать от острой боли.

Тот, кого следовало баловать больше всех, первым научился пониманию и уступчивости.

Тот, кого следовало любить сильнее всех, первым начал думать о нас.

Какой же он глупый...

Жозеф наконец слегка повернул лицо. Я заметила, что в глубине его глаз не было слез — лишь сплошная, мертвенная нежность.

Совсем юный парень, в самом расцвете сил, он прятал все эмоции глубоко в сердце, там, где их никто не мог увидеть.

Он лишь поднял руку и едва заметно смахнул со лба Клода влажные от пота пряди — движение было таким осторожным, будто он касался хрупкого стекла.

— Врач сказал, нельзя на ветер, нельзя вставать, — заговорил он. Его голос звучал ровно, без единого перепада, до того ровно, что от этого веяло безысходностью. — Даже просто встать и пройти нельзя.

Я приоткрыла рот, пытаюсь что-то сказать, но поняла, что любые слова пусты и бессильны.

Еще вчера этот мальчишка лихо скакал по лугам — как ни стань, а связать его нынешний образ с немощным больным было невозможно.

Я умела ездить верхом, перемахивать через самые высокие барьеры и мчаться наперегонки с ветром, но, пожалуй, оказалась неспособна даже обеспечить ему спокойное сидение на месте.

Моя страсть, моя смелость, моя свобода перед лицом жизни и смерти не стоили ломаного гроша.

Жозеф чувствовал то же самое.

Он умел запечатлевать свет и тени, время и любые прекрасные мгновения, но был не в силах вернуть брату хотя бы крупицу угасающей жизни.

Он мог удержать картинку, но не мог удержать саму жизнь.

Клод, казалось, почувствовал нашу боль. Собравшись с силами, он едва заметно коснулся пальцами тыльной стороны ладони Жозефа, а затем посмотрел на меня.

— Братец нарисовал ярмарку... — в его голосе послышался носовой оттенок. — Я уже видел её, она совсем как настоящая... Я будто уже побывал там.

Он обманывал нас.

Самой нежной ложью утешал двоих людей, которые были абсолютно бессильны помочь.

На тумбочке лежали листы бумаги с набросками Жозефа. Всего несколько штрихов — фонари, лотки торговцев, силуэты людей. Чисто, нежно, но совсем без красок.

Он нарисовал это прошлой ночью, надеясь сегодня взять рисунки с собой и шаг за шагом раскрасить их яркими цветами вместе с Клодом.

Теперь же бумага оставалась пустой, и сердце тоже было пустым.

— Когда весна станет еще теплее, — снова заговорил Клод, и его тон звучал не по-детски безмятежно. — Когда я перестану кашлять, мы обязательно пойдем.

Он утешал нас.

Хотя хуже всех было именно ему, хотя именно ему меньше всех позволялось куда-либо идти, он проявлял зрелость, даря нам надежду и тихую, невысказанную договоренность.

Жозеф наконец шевельнулся. Его голос прозвучал тихо, ровно, без малейшего дрожания:

— Хорошо.

Всего одно слово — почти неслышное, но за ним стояла вся глубина сдержанной боли.

Я сидела с другой стороны, неотступно разделяя их тишину.

В комнате раздавалось лишь тиканье часов, слабое дыхание да прерывистый кашель.

Мы оба знали, что у этого обещания подождать нет конца.

Жозеф сжимал руку брата так сильно, что побелели костяшки пальцев,

но всё же не давил слишком сильно, словно боялся, что от малейшего нажима рассыплется это последнее хрупкое тепло.

Опустив взгляд, он прятал за длинными ресницами все эмоции, и лишь слегка подрагивающие плечи выдавали истощение человека, который держался из последних сил.

Я сидела на ковре у кровати, тихо разделяя с ними этот миг.

В комнате звучало только мерное тиканье часов, слабый кашель и едва уловимое дыхание.

Ни криков, ни споров, ни истерик.

Отчаяние капля за каплей просачивалось в кости и кровь.

— Система, почему?.. — в месте, где нас никто не мог услышать, я опустила взгляд, и голос мой прозвучал так тихо, что его могло сдуть первым же порывом ветра.

— Это...

— Я не хочу слушать объяснения, я просто хочу знать, сможет ли Клод выжить.

— Ему не выжить. Твое появление позволило ему продержаться здоровым чуть дольше, но... цветы неизбежно увядают, судьбу не изменить, — голос системы звучал живо и задорно, но сквозь эту бодрость проступало нечеловеческое равнодушие.

Я поднялась, чтобы оставить братьев наедине.

В углу коридора до меня донеслись голоса господина и госпожи Деласоунс. Женщина говорила сквозь сдвоенные рыдания:

— Клод... мой мальчик, скажи мне, с ним всё хорошо?

Мужчина молча обнял её за плечи, прижимая к груди:

— Сейчас Клод в порядке, но что будет после того, как он оправится от этой болезни...

Недосказанные слова тяжелым камнем упали мне на сердце, и система вовремя подала голос:

— Клоду осталось жить всего несколько лет.

Сказано отлично, в следующий раз лучше молчи.

Добрый, он спрятал все слезы, не смея разжать пальцы, не смея уйти.

Понимающий, он проглотил всю боль, улыбаясь утешал нас и молча отступал.

Мы ничего не могли поделать.

Мы не могли болеть вместо него, не могли страдать за него, не могли замедлить ход времени или прогнать болезнь.

Оставалось лишь беречь незавершенный рисунок, нераспечатанный пакет конфет и ярмарку, которой не суждено случиться.

Смотреть, как свет постепенно гаснет.

Смотреть на бессилие в глазах друг друга.

Медленно страдать, медленно перебивать.

Придет весна, подует теплый ветер, но тело Клода этого уже не дождетя.

На ту самую ярмарку они, пожалуй, так никогда и не попадут.

Жозеф держал руку брата и не отпускал.

Я сидела рядом, глядя на нераспечатанный сверток конфет и незаконченное буйство красок на бумаге.

Пылкий человек сдержал в себе все ветра.

Мягкий человек спрятал все слезы.

Понимающий человек проглотил всю боль.

Мы ничего не говорили, ничего не делали — просто сидели вот так, молча сопровождая гаснущий огонек, охраняя несбывшуюся поездку и позволяя бессилию дюйм за дюймом сжимать сердце тисками.

— Система, до скольких лет доживет Клод? — я сползла вниз по стене, обхватив колени руками.

— До восемнадцати.

Восемнадцать... Всего лишь порог совершеннолетия, расцвет юности.

В восемь лет мир еще толком не понят, в двадцать восемь уже смотришь на всё сквозь призму опыта, но почему-то именно в восемнадцать лет, когда он еще не успел увидеть всю грандиозность гор и рек, не успел прочувствовать пылкую молодость и защитить тех, кто ему дорог...

— Хозяин, это всего лишь задание, тебе нужно просто прожить с ними одну человеческую жизнь, — в озадаченном голосе системы слышалось легкое недоумение.

— Но я так не считаю. Они — люди, живые люди из плоти и крови.

Мое сердце пронзила холодная игла слов системы.

И тут донесшийся издали шепот ветра опередил слезы, замершие на краешках глаз:

— Госпожа Юань, ваш брат, господин Юань... он...

Снаружи, тяжело дыша, прибежал человек в ливрее слуги. Заметив хрупкую фигурку девушки, обхватившую колени, он не смел продолжить.

— В вашем доме случился пожар... Никто не выжил.

Никто не выжил.

Как такое возможно? Брат ведь говорил, что собирается заработать мне на приданое, как он мог бросить меня и уйти? Он говорил, что всё как обычно, что он во всем разберется...

— Он ведь тебе не настоящий родственник, к чему столько слез?

И правда. Юань была с ним едва знакома, но система забыла: теперь я — Юань Юань.

Его законная младшая сестра.

Сестра, которую он безмерно баловал.

Его родня.

Его семья.

Его единственная опора и близкий человек на этом свете.

Юань могла бы развернуться и уйти, в тот же миг всё забыть.

Но сейчас я — Юань Юань.

Мы по-настоящему прожили бок о бок больше десятка лет, и даже к приبلудной собаке за это время привяжешься.

<http://bllate.org/book/20901/2113074>